

Социально- политическая история XIX-XX вв.

Ч. В. Петрова

Крестьянское переселение из Псковской губернии во второй половине XIX века

Положение псковских крестьян во второй половине XIX в. определялось, как и в других губерниях Российской империи, условиями и последствиями реформы 1861 г. По итогам ее в Псковской губернии за помещиками осталась не только вся земля, имевшаяся у них до отмены крепостного права, но они получили еще около 200 тыс. дес. земли крестьянской. «Отрезки» крестьянских наделов коснулись почти каждого поместья. Если средний дореформенный крестьянский надел составлял в губернии 6,2 десятины на душу мужского пола, то после реформы он уменьшился до 4,8 дес.¹ Таким образом, среднее сокращение его составило 1,4 дес. - 22,3% от дореформенного размера.

Положение усугублялось и тем, что помещики выделяли крестьянам худшие земли - «песочек», как говорили в народе. При таких условиях не только внести выкупные платежи, но даже прокормить семью было чрезвы-

чайно сложно, а иногда и просто невозможно. Увеличивать размеры угодий крестьяне Псковской губернии не имели возможностей, т.к. , псковские уезды в большинстве своем были заселены достаточно плотно, и свободных территорий попросту не было. Работы же по мелиорации и культурно-техническому приспособлению заболоченных территорий и прочих неудобий были очень трудоемкими и затратными, и крестьяне не имели для этого ни сил, ни необходимых средств. Не обладали они, за исключением немногих хозяйств, и достаточными денежными средствами для покупки дополнительной земли. Частые неурожаи во второй половине XIX в. в совокупности с небольшими наделами имели следствием полуголодное существование большинства крестьянских семей, а порой они оказывались и на грани голодной смерти. Масштабы всероссийского бедствия принял, например, голод, начавшийся осенью 1879 г. и резко усилившийся в 1880-1881 гг. Страшным был и голод 1891-1892 гг. Естественно, что в эти голодные годы крестьяне Псковской губернии, даже в лучшие урожайные време-

Петрова Надежда Владимировна - аспирантка кафедры русской истории Псковского госуниверситета им. С. М. Кирова.

на не обходившейся без привозного хлеба, страдали особенно сильно. Им приходилось изыскивать разнообразные пути выхода из сложившейся ситуации, одним из которых являлось переселение на новые земли вдали от родных мест - в Сибирь.

Общее мнение крестьян, намеревавшихся переселиться в Сибирь, выразил в своем ходатайстве один из потенциальных переселенцев: «В виду повторяющихся из года в год неурожаев, крайнего малоземелья и за отсутствием постоянных заработков, жить нам положительно нет возможности. В виду этого честь имею покорнейше Вас просить разрешить нам с семействами переселиться в Сибирь на казенные земли. Предварительно просим разрешить послать ходоков для осмотра и выбора переселенческих участков земли...».² Аналогичными по содержанию и образцу были почти все такие ходатайства: как правило, в них обосновывались причины переселения, подробно описывался состав семейств, указывался размер денежных средств, которыми они располагают. Нередко указывалась сумма от нескольких семей, и тем самым крестьяне стремились зависеть свои финансовые возможности, надеясь на положительное решение вопроса. Чаще всего сумма составляла 300 -700 руб. Составленные документы передавались заведующему по землеустройству и переселению в уезде, а он передавал отчеты по переселению губернатору.

Нередко переселение стимулировали письма, полученные псковскими крестьянами от своих земляков, ранее уехавших в Сибирь. Один из заведующих переселением в Опочке, например, докладывал губернатору о том, что в 1898-1899 гг. на его участке значительно активизировались стремления крестьян к переселению, вызванные письмами от родственников и соседей, а также тем, что «население переживает период неурожаев и уже четыре месяца живет на покупной хлеб». Ситуация усугублялась и тем, что голодал из-за позднего наступления весны и скот. Вообще, для крестьян это было очень трудное время: «Благодаря вырубке леса исчезли заработки, дрова повысились в цене до 7 рублей за кубическую сажень, дровни с 75 копеек повысились до 3 рублей ».³ Следовательно,

крестьян подстерегал не только голод, но и холод: топить печи было нечем, как не было материалов и для ремонта обветшавших изб и хозяйственных построек. Поэтому после получения писем от родственников, где последние восхищались землей «обетованной», люди незамедлительно принимали решение о переселении.

Земские начальники и заведующие переселением получали множество просьб о ходаческих свидетельствах (так назывались документы, разрешающие семье или общине послать ходока в Сибирь с целью выбора и закрепления для них земельных участков.- Авт.), но старались отговорить крестьян от переселения. Во-первых, потому, что правительство не желало допустить массовое аграрное движение, а, во-вторых, Сибирь еще не была готова к приему большого количества переселенцев. Устроить новое хозяйство в Сибири, действительно, было очень трудно. Суровая зима требовала много дров, поэтому помимо русских печей в избах нужно было ставить ещё железные печи, которые топились постоянно и требовали большого количества топлива. В степных районах леса не было, а привозной стоил достаточно дорого. Скот в Сибири был относительно дешев, но возникали проблемы с его кормлением: лето было коротким, а сена нужно было запастись больше, чем в Европейской России. Это была лишь небольшая часть трудностей, ожидавших на новых местах переселенцев. Главное же заключалось в том, что крестьянские семьи разорялись уже от поездки ходоков и становились неспособными выплачивать разного рода налоги. Это было чрезвычайно невыгодно властям, поэтому те принимали решения о переселении только в пользу зажиточных семейств. По этой же причине всячески отговаривали крестьян от переселения и земские начальники, а это в свою очередь порождало самовольный уход крестьян из родных мест.

Во многих волостях и уездах переселение принимало стихийный характер, распространяясь из одной деревни в другую. Крестьяне увлекались слухами о просторе и удобстве земель в Сибири и дешевизне проезда. Выезд из родных мест был труден и в юридическом плане, но переселенцы искали

любые варианты: «...под видом отправления на промыслы ликвидировалось имущество и иногда украдкой, ночью, в сколоченных повозках люди уезжали искать земли».⁴ В рапортах земских начальников отмечены случаи, когда крестьяне являлись к земским начальникам группами, требуя выдачи «ходаческих» свидетельств, но этим они ничего не добивались, т. к. земские начальники выдавали свидетельства только крестьянам, приходившим поодиночке и только после тщательного исследования их обстоятельств.⁵

Для получения официального разрешения на уход крестьяне должны были составить ходатайство о переселении семьи или группы семей на имя земского начальника или заведующего переселением. В ходатайстве указывались мотивы переселения, состав семейств, общая сумма денежных средств и просьба о посылке ходока. Далее рассмотрение дела шло по схеме, утвержденной 3 мая 1901 г. на заседании Псковского губернского присутствия по вопросам о выдаче свидетельств ходокам от семей на переселение и разрешений на переселение: «1) Поступающие на имя земского начальника прошения о переселении в Сибирь должны быть представлены с надлежащими сведениями, вместе с заключением земского начальника о том, насколько ходатайство просителя по имущественному и семейному положению заслуживает удовлетворения; 2) Выдача ходаческого свидетельства может быть произведена земским начальником лишь по получению на то в каждом отдельном случае от Губернского присутствия разрешения; 3) Поступающие от мещан-хлебопашцев на имя уездного исправника прошения о переселении в Сибирь должны быть направлены к земскому начальнику того участка, в районе которого проситель возделывает землю, для собрания сведений, для доставления их в Губернское Присутствие с указанием рода занятия просителя».⁶

Можно лишь представить ту бюрократическую волокиту, которая недели, а то и месяцы удерживала крестьян на местах и подталкивала их к самовольному переселению. В случае же разрешения на переселение крестьяне получали проходные свидетель-

ства, которые были разными: мещанским переселенцам, ходокам от отдельных семей или же от нескольких. Предусматривалась также выдача свидетельства на право проезда по переселенческому тарифу. Свидетельства составлялись по особым правилам, нарушать которые запрещалось. Правила закреплялись в целом ряде циркуляров по переселенческому вопросу. Тщательно проверялся семейный состав лиц, которые посылали ходока, в проходных свидетельствах делалась отметка о членах семьи, временно остающихся на родине. Это правило установил циркуляр № 1 1899 г., по циркулярам же № 12 (1896 г.) и № 3 (1897 г.) каждое проходное свидетельство выдавалось только на одну семью, а не на несколько, даже если они находятся в родстве, но на родине вели хозяйство раздельно. Когда ходок приезжал в Сибирь, то в течении двух лет он должен был найти и закрепить за своей семьей земельный участок. В проходных свидетельствах, на основании отметок о зачислении земли на ходаческих свидетельствах отмечались параметры этого земельного участка. После прохождения этой процедуры выдавалось проходное свидетельство на «имя домохозяина, а не на имя одного из младших членов его семьи».⁷ Следовательно, получить все необходимые документы могли только те крестьяне, которые во всех отношениях соответствовали установленным нормам. Это было лишь началом трудностей, которые продолжались уже непосредственно в процессе переезда.

Специальный переселенческий тариф на железных дорогах распространялся не только на перевозку семьи, но и имущества, он предусматривал также проезд переселенцев с места нового поселения на родину и обратно для завершения имущественных дел. Но и здесь действовали многие ограничения: необходимо было предъявить надлежащее свидетельство на переезд, переезды должны были осуществляться одним лицом от каждой семьи и только в течении первых двух лет со времени водворения на новом месте и не более одного раза. Циркуляры переселенческого управления МВД 1902 г. распространили льготный переселенческий тариф на перевозку принадлежащей переселенцам клади, высылаемой им с родины на места но-

вого поселения. Свидетельства на перевозку клади выдавались земскими начальниками и имели такой же вид, как и свидетельства о переезде. «... Под выражением переселенческая кладь надлежит разуметь имущество переселенцев, состоящее из предметов крестьянского обихода, посевных семян и сельскохозяйственных орудий и машин, - разъяснял Циркуляр. - Причем к перевозкам сельскохозяйственных машин, приводимых в движение паром и электричеством, льготный тариф подлежит применению лишь при условии предъявления на станции отправления особого удовлетворения, что отправленные машины действительно принадлежат переселенцам».⁸ Подобные тонкости были зачастую неизвестны крестьянам, что порождало дополнительные трудности, и правительство стало выпускать справочное издание «Сибирское переселение», в котором доступным для крестьян языком излагались правительственные указы. Основное содержание их заключалось в следующем:

1) Перевозки осуществлялись за дешевую переселенческую плату; 2) Ходоки получали свидетельства на дешевый проезд, где было указано: кому свидетельство выдано, куда ходоки едут, сколько едет взрослых, сколько детей старше 10 лет и сколько малолетних; 3) Взрослые и дети старше 10 лет платили четверть цены пассажирского билета третьего класса. Дети моложе 10 лет перевозились бесплатно.

Что же касается имущества, то устанавливались следующие тарифы: кладь в сундуках и тюках и пчелиные улья перевозились с пуда по копейке за каждые 100 верст; за лошадь и рогатый скот платилось за каждую версту по полкопейки с головы; взрослые и дети старше 10 лет могли вести бесплатно по пуду клади, а малолетние по полпуда; кладь должна была перевозиться в том же поезде, что и переселенцы.

Контролировало исполнение этих правил начальство станции. Получив деньги за проезд и провоз клади, оно писало накладную в двух экземплярах: один оставался у переселенца, другой отдавали кондуктору поезда. В накладной указывалось количество проезжающих, вес клади (в пудах), сумма уплаченного за проезд, станции посадки и

назначения. Если у крестьян был лишний груз, и на следующей станции обнаруживался перебор или недобор, то недобор нужно было оплатить беспрекословно, а перебор тоже не пропадал. На накладной ставилось клеймо со словом «Перебор» и он отдавался на той станции, на которой переселенцу нужно было выходить.⁹

Например, если семья переезжала из Пскова в Челябинск, перевозя при этом одну лошадь (или одну голову рогатого скота) и два пуда личной клади (без учета части, перевозимой бесплатно), то получалась следующая сумма. От Пскова до Челябинска 2 588 верст, за каждые две версты перевоз лошади обходился в одну копейку, следовательно, весь путь стоил 12 руб. 94 коп. За один пуд клади семья должна была заплатить примерно 26 коп., а за два пуда - соответственно 52 коп. Всего, таким образом, перевозка имущества, без стоимости проезда членов семьи обошлась бы ей в 13 руб. 46 коп., т.е. переселение выливалось в весьма немалую сумму. Размер же переселенческой ссуды составлял чаще всего 3-5 руб., и, таким образом, переезд становился посильным только для более или менее состоятельных семей. Не удивительно, что после таких расходов семьи приезжали в Сибирь абсолютно нищими.

Что касается самовольно ушедших из родных мест крестьян, то законом 27 апреля 1896 г. в получении ссуд они были приравнены к разрешенным переселенцам, но ненадолго: закон 7 декабря 1896 г. в целях сокращения самовольного переселения запретил выдачу им ссуд и пособий. Но это, однако, не останавливало крестьян. Не дождавшись иногда рассмотрения своего дела, они уходили самовольно, так же они поступали и при отказе в выдаче разрешений земскими начальниками. Последние не выдавали разрешений по причинам имевшихся недоимок повинностей за крестьянами, ссудам продовольственного капитала или хлеба из общественных магазинов и др. Закон 13 июля 1889 г. грозил самовольным переселенцам возвращение по этапу, но эта мера чаще всего не применялась, а пробиравшиеся в Сибирь самовольно получали там землю на основании время от времени издававшихся специальных Высочайших повелений. Однако в

Псковской губернии самовольно ушедших пытались задержать и вернуть на место в принудительном порядке. Если такое удавалось, то о беглецах обязательно сообщалось в представлении на имя Псковского губернатора. Так, например, представление земского начальника пятого участка Торопецкого уезда Псковской губернии П.П. Брискорна от 11 июля 1897 г. извещало, «что за апрель месяц сего года проходных свидетельств на переселение в Сибирь выдано не было. Самовольно же отлучились четыре человека, которых возвращать не пришлось, так как они сами очень быстро вернулись в свои деревни».¹⁰ Возвращались на родину и те, кто до Сибири все же добирался, но там их постигало разочарование в условиях жизни. Переселенцы, особенно самовольные, часто попадали в места, совершенно им неизвестные, в некоторых местностях в результате большого количества переселенцев подготовленных участков не хватало. Переселенцы вынуждены были возвращаться на родину, но уже без денег и без членов своих семей, умерших в пути. Так, в докладной записке земский начальник 4-го участка Островского уезда Псковской губернии С.Б. Вревского 14 июля 1898 г. писал: «Большинство отдельных семей, обратившись ко мне с просьбами о выдаче им свидетельств на посылку ходоков, послушались меня и оставили мысль о переселении. Но осталось ещё много семей, которые требовали выдачи свидетельств на посылку в Сибирь ходоков от каждой отдельной семьи. Семьи могли буйствовать до тех пор, пока сами на собственном опыте не убедятся, что положение переселенцев в Сибири весьма неприглядно. Я выдал по одному свидетельству на ходока от нескольких семейств. В настоящее время ходоки вернулись из Сибири и, разочаровавшись на месте в привлекательности сибирской жизни, как сами отказались от переселения, так и отговаривают от переселения своих односельчан. Большинство семейств успокоилось, не собирается переселяться и радо, что не тратилось на посылку ходоков».¹¹ После возвращения ходоков на родину с них взыскивали путевую ссуду. Казенная палата должна была представлять губернатору отчет о ходе ее взыскания.

Процедура переселения требовала больших материальных расходов и физической выносливости. Правительственные указы были направлены, прежде всего, на получение выгод от переселения для государства и помещиков, и только потом на улучшение условий переселения для крестьян, что тоже сдерживало переселение. Но крестьяне, однако, верили в сибирскую «Обетованную» землю, и не задумываясь, уходили из родных мест. На протяжении второй половины XIX в. места приёма переселенцев в Сибири менялись. В начале 1860-х гг. в основном местом являлась Тобольская губерния, как наиболее близкая к Европейской России, а поэтому самая доступная: возможностей и средств для продвижения вглубь Сибири у большинства крестьян зачастую не было. Но уже во второй половине 1860-х гг. Тобольская губерния утратила роль основного района колонизации, и на ведущие позиции вышла соседняя к ней Томская губерния. Это объяснялось, с одной стороны, введением в действие закона 1865 г., открывшего для мигрантов земли Алтайского горного округа, а с другой - значительным истощением свободного колонизационного фонда в Тобольской губернии. Началось усиленное строительство дорог, сначала до Челябинска, как первого переселенческого центра, а потом от него до переселенческих пунктов других губерний: в Томской губернии - Томска, в Алтайском округе — Барнаула, в Енисейской губернии - Минусинска, в Забайкальской области - Читы, в Амурской области - Благовещенска, в Уссурийском крае — Хабаровска и Владивостока.¹²

Крестьяне из Псковской губернии уезжали в самые разные районы Сибири: Иркутскую, Томскую, Омскую, Челябинскую, Енисейскую губернии, Забайкальскую область, Око-Тагнинский и Сызринский районы. Наиболее значительный поток псковских переселенцев принимала Иркутская губерния, где на казенных землях устроиться было легче, чем в других районах Сибири, таких, например, как Алтайский округ или Амурская область.

Динамика переселения крестьян из Псковской губернии в Сибирь зависела как от событий, происходивших в стране, и по-

литики правительства в переселенческом вопросе в тот или иной момент, так и условий проживания в различных местах губернии.

После крестьянской реформы 1861 г. правительство стремилось сдерживать переселенческое движение. Так, о возможном переселении бывших помещичьих крестьян в Положении 19 февраля 1861 г. вообще не говорилось, казенные крестьяне полную свободу переселения тоже не получили, оставаясь фактически прикрепленными к своему обществу. Единственным поводом законного переселения для крестьян оставалось малоземелье, хотя положение усугублялось неурожаем и ростом как покупных, так и наемных цен на землю. В возникавших периодически чрезвычайных ситуациях даже дворянские собрания, земства и некоторые губернаторы обращались к правительству с настоятельной просьбой об упорядочении переселения. Однако министр Государственных Имуществ П.А. Валуев смотрел на дело иначе: «К поступающим ходатайствам о переселении на казенные земли нужно относиться с величайшей осторожностью, дабы тем внушить населению, что правительство раз устроив поземельный быт сельского населения, не считает себя обязанным продолжать это устройство и раздавать ценные казенные земли для удовлетворения временных и случайных потребностей».¹³ Поэтому каждое ходатайство рассматривалось долго, а положительный ответ давался крайне редко.

15 декабря 1866 г. было издано распоряжение об отмене особых кредитов на переселение, и законное переселение в виде общего правила для всех свободных крестьян было закрыто. Как отмечалось в издании «Крестьянское переселение и русская колонизация за Уралом», такую политику правительства отнюдь нельзя объяснить непониманием важности колонизационных задач, т.к. в то время правительством принимались и серьезные меры по заселению пограничных окраин империи, в частности Приамурского края. Например, генерал-губернатором Восточной Сибири графом Муравьевым-Амурским были составлены правила для поселения людей, которые «...были полны всяческих льгот для засельщиков, земли могли приобретаться в собственность, по 3 рубля за десятину, при

чем податные льготы были весьма значительны».¹⁴ Широкого обнародования подобные правила не получали, поэтому псковские переселенцы, следуя указам 1866 и 1868 гг., тогда почти не переселялись. Первое упоминание о переселении псковских крестьян относится к 1871 г., когда исправник Опочецкого уезда докладывал Псковскому губернатору о том, что «в волостях Велейской и Печанской его уезда обнаружилось стремление беднейших крестьян к переселению». До этого, в 1869-1870 гг. исправник сдерживал переселение, руководствуясь циркулярами МВД 13 апреля 1866 г. и 2 мая 1868 г., но в 1871 г. делать это становилось уже невозможным: «...крестьяне, желая избегнуть соблюдение установленных этими циркулярами правил, просят выдачи им паспортов с их семьями для заработков, а так же для переселения...Причина движения этого есть действительная бедность крестьян, усилению которой способствуют неурожаи последних лет и малоземелье».¹⁵ Особенно увеличилось число желающих переселиться после выхода закона о переселении 1889 г., разрабатываемого в течении девяти лет.

В 1889 г. появился общий закон, а чуть позже, 2 декабря 1896 г. при МВД было создано Переселенческое управление, призванное заниматься этими вопросами.

В Псковской губернии наибольшее во второй половине XIX в. число желающих переселиться зафиксировано в 1897-1898 гг. В 1898 г., например, пожелали переселиться из Псковской губернии 246 семей, в 1900 г. - 156 семей. Уменьшение связано с тем, что 5 июля 1900 г. телеграммой МВД в Псковской губернии была приостановлена выдача проходных и ходаческих свидетельств, и рекомендовано принять меры по предотвращению самовольного переселения «ввиду передвижения войск по Сибирской железной дороге».¹⁶ Телеграмма также требовала разъяснить крестьянам причину, вызвавшую остановку переселения, и довести до их сведения, что отправившиеся вопреки этому распоряжению будут задержаны в пути. С 10 июля было отменено действие переселенческого тарифа на проезд по железным дорогам в направлении Сибири. Возникал вопрос о

сроках зачисления земли в Сибири за крестьянами, т.к. вследствие этого запрета он мог истечь в 1900 г. Правительство решило эту проблему, продлив сроки зачисления земли ещё на один год. Что касается псковских переселенцев, то никаких нарушений данного распоряжения с их стороны документами не зафиксировано. Все данные по переселению за 1900 г. относятся к зиме-весне, когда проезд по железным дорогам был еще разрешен. Действие данных запретов было отменено только в начале 1901 г.

В целом переселенческое движение в Сибирь из Псковской губернии во второй половине XIX в. не отличалось большими размерами и не приняло широкого размаха. Не изменил существенно условий переселения и закон, принятый в 1904 г., обставлявший получение разрешений такими сложными условиями, что воспользоваться этим могли лишь немногие крестьяне. От политики ограничения переселений за Урал фактически к полной их свободе правительство перешло лишь с началом реализации Столыпинской аграрной реформы.

Примечания

- ¹ **Кашенко С.Г.** Реформа 19 февраля 1861 года на Северо-Западе России (Количественный анализ массовых источников). СПб.1995. С.151-158
- ² ГАПО. Ф.78. Оп. 3. Д.76. Л.2-4.
- ³ ГАПО.Ф.78. Оп.3. Д. 201. Л.11-12об.
- ⁴ Крестьянское переселение и русская колонизация за Уралом. Петроград, 1914. С.15.
- ⁵ ГАПО. Ф.78. ОП. 2. Д.63. Л.11-12.
- ⁶ ГАПО. Ф.78. Оп. 3. Д. 114.Л 5-6.
- ⁷ ГАПО. Ф.78. Оп.3. Д.114. Л.14-14 об.
- ⁸ ГАПО. Ф.78. Оп.3. Д.4. Л.1. Д.82. Л.6.
- ⁹ Сибирское переселение (Что нужно знать каждому ходоку?). Вып.6. СПб., 1901. С.29-30.
- ¹⁰ ГАПО. Ф.78. Оп.2. Д.4. Л.52-52об.
- ¹¹ ГАПО. Ф.78. Оп.2. Д.2. Л.37-37 об.
- ¹² Сибирское переселение (Что нужно знать каждому ходоку?). Вып.5. СПб.,1900. С.34-35.
- ¹³ Крестьянское переселение и русская колонизация за Уралом. С. 16.
- ¹⁴ Там же. С. 13.
- ¹⁵ ГАПО.Ф.20.Оп.1.Д.2179.Л.1-1об.
- ¹⁶ ГАПО.Ф.78.Оп. 3. Д. 109.Л.1-2.